

«Полевая сессия кафедры этнологии 2021»

Пленарная лекция к.и.н., старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН **Анны Александровны Ожигановой** «**Опыт полевого исследования в неоязыческих и Нью Эйдж сообществах: Исследовательская позиция и образ Другого**».

Доклады:

Практики строительства домов из самана в экологических поселениях Центральной России (Демидова Ю.А., кафедра этнологии МГУ) Стр. 2

Русское неоязычество: специфика исследования и дигитализация (Буробина П.А., кафедра этнологии МГУ) Стр. 4

Состав сообщества ВКонтакте РП «Краснолесье» (Стахурская Е.И., кафедра истории и международных отношений филиала МГУ в городе Севастополе) Стр. 6

Татарский язык в городских школах на примере городов Лениногорска и Азнакаева РТ (Хуснутдинов Т.Р., кафедра этнологии МГУ) Стр. 8

Поле и рефлексия: опыт участия в этнографических и социологических экспедициях (Садова Е.С., кафедра этнологии МГУ) Стр. 10

Начало долгого поля: «отчужденность» как оптика исследования (Гордеев Ф.И., кафедра этнологии МГУ) Стр. 12

Практики строительства домов из самана в экологических поселениях Центральной России

Соискатель кафедры этнологии МГУ
Демидова Юлия Андреевна

В докладе на полевых примерах я покажу, каким образом в системе строительства и обживания саманного дома в экологических поселениях реализуется концепция «жизненной политики», предложенная британским социологом Э. Гидденсом (1991).

Примерами эффективной организации «жизненной политики» в начале XXI века могут стать проживание в частных коттеджах с собственными системами жизнеобеспечения в противовес многоквартирным домам, подключенным к государственной инфраструктуре; предпринимательство и различные формы самозанятости, в противовес работе в компании или на предприятии, которая предполагает получение постоянного оклада, кроме этого, переселение людей в развивающиеся страны при сохранении удаленной работы. Приведенные примеры показывают, как независимо от государства человек реализует свободу в конструировании идентичности, свободу выбора жизненного пути.

Перейду к особенностям внегородского строительства, а конкретнее, к строительству саманного дома. Первая встреча с подобным примером архитектуры произошла в экологическом поселении «Доброе» (настоящее название зашифровано ввиду следования этическим нормам этнологического исследования). Я была встречена как исследователь, мне провели небольшую экскурсию по дому и рассказали о мотивах жизни «на земле» и посвятили в историю строительства из «подручных» натуральных материалов. Наратив был облечен в мировоззренческий контекст анастасийства и в целом Нью-Эйджа (Ожиганова 2015; Андреева 2017).

Саманный дом для средней полосы, скорее, исключение, чем правило. Саман, или мазанка, материал для строительства в южных регионах России. Однако эксперименты с саманом оказались жизнеспособными и в Центральной России.

Исходя из подручных материалов после освоения территории, будущие хозяева дома решили использовать глину и строить «своими руками». На практике саману вредит влажность, поэтому для домов нередко строится деревянный каркас. В галерее между саманными и деревянными стенами создается «зимний сад», где выращиваются южные культуры, такие как, к примеру, лимоны. Саман имеет ряд преимуществ – в нем не бывает отрицательных температур, поэтому зимой расходуется меньше дров на отопление, и летний воздух в доме остается прохладным.

Давая теоретическое обобщение этим фактам, на практике видно следование жителей экопоселений концепции «устойчивого развития». Оно включает в себя такие понятия как «органическое земледелие», «лесовосстановление», «минимализация энергопотребления», «пермакультура». Эта концепция в целом серьезно меняет стиль жизни и, по мнению ее сторонников, существенно повышает ее качество.

Подводя итоги, стоит сказать, что строительство саманного дома представляет собой создание пространства для самореализации и самоактуализации современного индивида, который в условиях «текущей модерности» следует жизненной политике, если говорить о материальном аспекте, старается использовать как можно больше естественных природных материалов. Также современный индивид создает неокультуру, которая разнородна и эклектична, но в основе имеет языческое начало и мифологемы Нью-Эйджа, которые представляют собой ответ культурной гегемонии. Однако вместе с тем, приверженность к «народной» культуре и следование идеям этнонационализма, говорят далеко не о либеральной составляющей.

Библиография

1. Андреева Ю.О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия»: антропологические аспекты религии Нью-Эйдж в современной России. Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук. СПб., 2017. С. 69.
2. Giddens Anthony. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge, Polity Press, 1991. 256 p.
3. Ожиганова А.А. Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия», «Звенящие кедры России» // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. №2 (33). С. 262 – 286.

Русское неоязычество: специфика исследования и дигитализация

Буробина Полина Андреевна
Магистр кафедры этнологии МГУ

Русское неоязычество – религия, появившаяся в 1980-х годах на территории России и подразумевающая восстановление религии дохристианской Руси. В связи с относительно недавним появлением, неоязыческое движение в России недостаточно изучено. Более того, с момента своего появления, идеология и мировоззрение русских неоязычников изменились.

Источниками моего исследования являются интервью, полученные в результате полевого исследования 2020-2021 годов в санкт-петербургской общине «Велесье». Интервью было взято во время праздничных обрядов (Купало и Комоедица) и фестиваля «Славянский Круг», проводимого данной общиной. Вторым видом источников являются неоязыческие группы и беседы в социальных сетях.

Специфика изучения неоязыческого движения заключается, в первую очередь, в его разрозненности, отсутствии единого центра и единой идеологии. Исследователи неоязычества делятся на тех, кто использует персоналистический подход и выявляет особенности каждого отдельного язычника и общины, и тех, кто использует историографический подход (исследование идеологий) и анализирует общее положение неоязычества. Я отношу себя к тем, кто использует персоналистический подход.

Неоязычество отличается своей дигитализованностью (Зверева 2017). У каждой неоязыческой общины есть сообщества и общинные чаты в социальных сетях, в основном во «ВКонтакте» (Жарчинская 2014). Участие в повседневных беседах неоязычников позволяет понять структуру и иерархию общины. Более того, именно в общих чатах решаются вопросы идеологии. В них неоязычники обсуждают различные источники, относящиеся к язычеству дохристианской Руси, и решают, какой источник является «правильным», а какой нет. Также, в социальных сетях происходят различные дискуссии, например, обсуждение многоженства или ношения камуфляжа на обрядах, где каждый неоязычник старается выразить и доказать свою точку зрения. Дигитализация общинной жизни позволяет погрузиться в жизнь конкретной общины и проследить динамику отношений.

Подготовка к обряду происходит также в социальных сетях – общинники присылают подробное расписание обряда и список необходимых вещей. Более того, отдельно присылаются тексты песен, которые необходимо выучить к обряду. Праздничные обряды всегда проводятся на природе, вдали от городской среды, чтобы полностью абстрагироваться от повседневности и обратиться к природе.

На самих праздничных обрядах ситуация кардинально меняется – не происходит посторонних дискуссий, и обсуждается только проведение обряда. Неоязычники трепетно относятся к обрядовой эстетике и стараются соблюдать традиции в одежде. Одежда выступает как способ доказать свою принадлежность вере. Если мужчина приезжает на обряд в камуфляже – он «неправильный» язычник. То же касается и женщин: если женщина приезжает на обряд не в юбке – она «неправильная» язычница.

На обряд есть доступ всем людям славянской внешности. Если же приезжает кто-то, не подходящий, по мнению общинников, под славянскую внешность – его вежливо просят уйти, или, уже после проведения обряда, просят больше не приезжать. Однако и не ко всем людям славянской внешности есть доверие. Можно сказать, общинники устраивают «испытательный срок». Если кто-то приезжает на обряд второй раз – то он уже «свой». Так было и со мной, когда я приехала на свой второй обряд.

Повседневная жизнь неоязычников включает в себя повседневные обряды, а также обращение к богам. Некоторые язычники имеют дома небольшой пантеон – Красный кут. Также, все неоязычники носят языческую символику – обереги, вышивку и т.д. Мужчины зачастую делают татуировки с защитными оберегами.

Таким образом, особенность исследования неоязычества заключается в изучении трех сфер жизнедеятельности: дигитализированной (социальные сети), обрядовой (праздничные обряды) и повседневной (ежедневные практики, ношение символики). Особое внимание заслуживает дигитализация, так как, чтобы попасть в общинные беседы в социальных сетях – необходимо выстроить определенные отношения с одним из общинников, а чтобы приехать на обряд – достаточно только выразить желание. Более того, основная часть диалогов и информации по неоязыческим организациям и языческой литературе находится в неоязыческих группах в социальных сетях.

Список литературы:

1. Жарчинская К.А. Миф и историческая память: образы славянской «традиции» в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30). С 98-103.
2. Зверева, Н. Е. Неоязычество в сети: межконфессиональный дискурс / Н. Е. Зверева, Т. И. Масленникова, О. В. Морозова // Власть в логике и риторике межнациональных и межконфессиональных отношений : Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (с международным участием), Иваново, 19–20 мая 2017 года / Под ред. Д.С. Будановой. – Иваново, 2017. С. 82-98.

Состав сообщества ВКонтакте РП «Краснолесье»

Стахурская Елена Игоревна

Студент кафедры истории и международных отношений
филиала МГУ в городе Севастополе

В связи с развитием коммуникационных сетей в Интернете, исследовательское сообщество обращает внимание [Андреева 2017; Гутыра 2019; Ожиганова 2015; Gaidukov 2014] на интеграцию неязыческих сообществ и родовых поселений в цифровую среду. Понимание того, что из себя представляет аудитория интернет-сообществ, дает возможность более полно воспринимать то или иное движение. На примере сообщества в ВК «Родовые поместья Крыма-Краснолесье» [Родовые поместья], существующего с 2013 г., мы поставили задачу определить состав пассивной, т.е. интернет-аудитории, группы интересов и их просопографический портрет на основе парсинга (автоматизированного сбора данных) и кластерного анализа в программе «Statistica».

В настоящий момент число подписчиков составляет 1 769 человек. Аудитория сообщества состоит преимущественно из людей среднего возраста, женщин, жителей Крыма, крупных городов России и других стран. Преобладание женщин предопределено содержанием постов, связанных в основном с женскими практиками. Всего найдено 1253 пользователя проявивших активность на сайте. Пользователи разделяется на четыре группы активности. Показатели первых двух наиболее многочисленных групп демонстрируют временный интерес к событиям родового поселения, что соотносится с форматом сообщества, где зачастую делаются объявления о проводимых в поселении мероприятиях. Следующие две группы активности являются средним пограничьем, которое может как пополнить ряды утративших интерес, так и активистов. Активность к посту предполагает потенциальное участие в запланированном мероприятии, либо готовность к сотрудничеству.

На основе кластерного анализа популярных постов и их аудитории мы выявили сначала пять тематических кластеров, которые имеют некоторые пересечения. Так, наиболее многочисленный пятый кластер пересекается с менее многочисленным четвертым, а тот в свою очередь с третьим. Такие пересечения дали возможность предположить о сочетании интересов пользователей. Затем было выделено четыре кластера пользователей по заинтересованности в различных тематиках публикуемых постов. Наименее многочисленная группа с широкими интересами и преобладанием альтернативной религиозности представляет активистов и организаторов. Вторая группа схожа по интересам с первой, но в ней преобладают вопросы экологического характера. Большая часть группы проживает в Крыму, среди

ее членов присутствуют сотрудники ВУЗов, специалисты в областях здоровья, причем как телесного, так и духовного. Третья группа представляет проекцию первой только с меньшей интенсивностью активности. Характерная черта данной группы – интерес в общении с единомышленниками, экономическом сотрудничестве. Четвертая группа заинтересована в вопросах быта, обустройстве жилья. Также проявился интерес к экологическим формам быта и досуга. Все четыре группы имеют несколько общих черт. Во-первых, это половозрастные характеристики (средний возраст, преобладание женщин). Во-вторых, высшее образование и обычно занятие в настоящее время альтернативными практиками, тренингами, психологией, ремеслами. В-третьих, место проживания в основном – Крым, что предполагает доступность поселения. В-четвертых, общие ценности – здоровый образ жизни, семья, саморазвитие, отсутствие очерченной религиозности, отголоски славянского ведизма, язычества. Также к наиболее популярным ценностям в целом относятся семья, саморазвитие, честность. Таким образом интернет-аудитория на пике своей активности является пограничной группой практиков и интересующихся.

Список использованных источников и литературы

1. «Родовые поместья Крыма-Краснолесье» URL.: https://vk.com/gr_krim.
2. Андреева Ю.О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении "Анастасия": антропологические аспекты религии нью-эйдж в современной России// Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2017. СПб., 2017. – 272 с.
3. Гутьра В.И. Киберпространство экопоселенцев: отражение идеологии экологических движений в социальных сетях// Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 251-255.
4. Ожиганова А.А. Конструирование традиции в неоязыческой общине «Правоведи» // COLLOQUIUM NEPTAPLOMERES. 2015. №2. С.30-38.
5. Gaidukov A. The Russian-Language Internet and Rodnoverie // Modern pagan and native faith movements in Central and Eastern Europe. Studies in Contemporary and Historical Paganism. New York, 2014.

Татарский язык в городских школах (на примере городов Лениногорска и Азнакаева РТ)

Хуснутдинов Талгат Рустэмович
Студент кафедры этнологии МГУ

Республика Татарстан – многонациональная республика с преобладающим татарским (53%) и русским (39%) населением. Но преобладание того или иного народа сильно различается в зависимости от района к району. Число русских и татарских школ и число учащихся в них далеко не совпадает с реальным национальным составом города.

К примеру, в городе Лениногорск с 43% русским и 42% татарского населения представлена лишь одна школа (гимназия №11), где возможно обучение некоторых предметов на татарском языке. В татарстанских и татарских СМИ часто поднимается вопрос о вреде ЕГЭ для татарского национального образования (обучению и/или изучению татарского языка). Не обошёл этот процесс и город Лениногорск и гимназию в частности: с начала 2010-ых годов некоторые учителя стали вести уроки на русском языке, стали набирать больше русскоязычных классов. Почти все дети разговаривают между собой на русском языке. Даже преподавание математики с первого (!) класса ведётся на русском языке. Несмотря на это учебники и учебные пособия по наукам на татарском языке стабильно выпускаются татарским книжным издательством. Кроме того, 11 гимназия – это единственная городская школа, где все ученики изучают родной татарский язык. В других школах города после отмены обязательности татарского языка, продолжают изучать татарский лишь 30-60% учеников в зависимости от школы города

Другой пример город Азнакаево с 92% татарского населения. Несмотря на то что в 4 из 10 школ города все учащиеся выбрали для изучения только родной татарский, татарские школы в городе отсутствуют напрочь: вопреки сообщениям некоторых недалёковидных информантов городская гимназия также как минимум с начала 2010-ых годов начала обучать на русском языке, но в отличие от гимназии №11 на русский были переведены все классы и предметы, кроме татарского языка и литературы, которые, к счастью, преподаются по программе для татарских школ, но по линейной сетке русских¹. Как и в городе Лениногорск большая часть родителей сетует на русскоязычные экзамены и не востребованностью татарского за пределами Татарстана. В школах города число изучающих русский в качестве родного невелик (не более 15%), что объясняется малочисленностью русского населения.

¹ В русских школах родной язык и литература преподаётся в объёме 2-3 часов, в татарских же, как правило, 2-6 часов в зависимости от класса обучения

Таким образом, как в Лениногорске, так и в Азнакаеве отсутствуют школы с преподаванием всех предметов на татарском языке, несмотря на национальный состав городов.

Поле и рефлексия: опыт участия в этнографических и социологических экспедициях

Садова Екатерина Сергеевна
Студент кафедры этнологии МГУ

С 2017 года я побывала в 10 полевых выездах: групповых и индивидуальных, социологических и этнографических, проводившихся как на территории России, так и в Европе (Испания и Франция). Кроме того, последние полтора года я провожу онлайн-поле, а метод контент-анализа и онлайн-работу с информантами после поля проводила с самого первого исследования.

За четыре года антропологических исследований моя работа в поле претерпела большие изменения. Моим первым полевым опытом стала исследовательская работа в г. Архангельске. До этого я уже ездила в этот город один раз и жила у местных жителей. Во время прогулки по центру я услышала от них историю деревянного дома, хозяева которого отказывались переезжать несмотря на периодические поджоги здания и отсутствия всех коммунальных удобств. Тогда меня очень поразила эта история, и, узнав про место нашей университетской экспедиции, я стала готовится к полю по теме жизни в деревянных домах в крупном современном городе. Я читала архангелогородские новостные статьи о сносах и поджогах, смотрела репортажи, а также написала в несколько пабликов социальной сети ВКонтакте с просьбой откликнуться людей, готовых дать мне интервью по их отношению к памятникам деревянного зодчества. Провела несколько онлайн-интервью по переписке. Кроме того, постаралась узнать, какие типы деревянных домов существуют в городе и постаралась составить карту местности с деревянными строениями всех типов.

Поле, которое я провожу сейчас, я заинтересовалась весной 2020 года. Тогда чёткого понимания того, что карантинные и антиковидные мероприятия будут проводиться на протяжении двух сезонов (и даже в некоторых сферах больше года), не было, и я планировала работу с включённым наблюдением. Однако пандемия внесла свои коррективы и всё моё поле перенеслось в анализ онлайн-пространства и онлайн-работу с информантами. Даже интервью стало другим – кто-то отвечал на бегу, переходя от телефонного разговора во время маникюра к переписке в рабочее время, кто-то готовился заранее (за неделю), просил прислать список вопросов и специально уходил в свободное помещение, садясь перед камерой в парадной одежде.

На полевой сессии я хочу представить автоэтнографическую заметку о том, как менялось моё восприятие полевой работы, с какими трудностями я столкнулась во время сбора материала и какие выходы предлагали мне антропологи и социологи. Чем, на мой взгляд, отличается социологическое

исследование французской школы, от этнологического исследования школы исторического факультета МГУ, и что можно почерпнуть от каждого из них для индивидуальной полевой работы. И, наконец, я представлю результаты исследований 2019-2021 годов по российским активистам и волонтерам в сфере сохранения культурного наследия, чтобы через них показать применяемые мною методы.

Начало долгого поля: «отчужденность» как оптика исследования

Гордеев Фёдор Игоревич

Студент (магистр) кафедры этнологии МГУ

В фокусе моего полевого исследования находится регион Этбай – часть Нубийской пустыни между средним течением Нила и западным побережьем Красного моря, и его население, которое представлено этнической группой беджа.

Беджа остаются слабо изученной общностью, что обусловлено рядом обстоятельств, важнейшие среди которых – труднодоступность мест их проживания и строгий контроль за распространением информации за пределы их сообщества, который осуществляют сами беджа. Наибольший интерес к этой этнической группе традиционно проявляют археологи и египтологи. В этих науках сложилась определённая традиция ассоциации современных беджа с историческим населением Этбая и выстраивания «культурной преемственности». *Меджаи, ихтиофаги, троглодиты, блеммии и аль-буджа* – все эти термины использовались древними египетскими, греческими, римскими и арабскими средневековыми авторами для обозначения населения между Нилом и Красным морем.

Дискуссия о происхождении современных беджа и культурном континуитете населения Восточной пустыни далека от своего разрешения. В ранних работах египтологов, высказывались мнения, что беджа являются прямыми потомками «протоегиптян», то есть народа, населявшего додинастический Египет, и за 7000 лет их истории они претерпели минимальные изменения (Seligman 1927). Сложилась традиция рассмотрения общности *меджаев* – так древние египтяне называли населения пустыни – предками беджа (Newbold, 1935). В настоящее время выстраивание прямого континуитета по линии *меджаи - блеммии - аль-буджа – беджа* было подвергнуто критике. Тем не менее такая преемственность допускалась в работах и более поздних авторов (Herzog 1985). В справочной научной литературе также можно найти данные о культурных, лингвистических и генетических связях беджа с древнейшим населением региона (Raue 2019)

В работах специалистов, занимающихся одной из этих групп – меджаями, блеммиями или беджа, напротив, в наши дни преобладает тенденция полного отказа от самой идеи выстраивания какого-либо континуитета между этими общностями. Эти учёные на основе антропологической теории критикуют устоявшийся взгляд на упоминаемые в исторических источниках «народы» как на этнические группы с коллективной идентичностью (Barnard 2005; Liszka 2011). Они подчёркивают, что отражённые в источниках описания населения Восточной пустыни – не более чем конструктор.

В моём исследовании истоков экзотизации региона Этбай я предлагаю новый подход к изучению «культурной преемственности». На мой взгляд, признание несостоятельности попыток выстроить «генетическую цепочку» от древнейшего населения Восточной пустыни до современных беджа, не должно привести к полному отказу от рассмотрения вопроса культурного континуитета. В моей работе я смещаю фокус внимания с социума на пространство, с людей на регион. Это позволяет мне рассматривать культурную преемственность не как генетическую связь беджа с их предшественниками, но как континуитет особой характеристики самого пространства Этбая, которую я называю «отчуждённостью» (англ.: «remoteness»). По Арденеру remoteness — это такое свойство географически удалённой от цивилизационных центров местности, которое характеризуется особым соотношением реального и воображаемого этими центрами пространства.

В перспективе концепции отчуждённости становится возможным привлечение исторического, географического и культурного контекста для изучения современного сообщества беджа. На мой взгляд, «отчуждённость» Этбая следует рассматривать в качестве отдельного фактора экзотизации населения региона. Это особое свойство местности, детерминированное её характерными климатическими условиями и специфическим географическим положением, во все времена играло определяющую роль в отношениях коренного населения Этбая с их «цивилизованными» соседями. Внешняя «отчуждённость» Этбая находится в неразрывной связи с «отчуждённостью» внутренней. Последняя находит своё отражение в особом мировоззрении современных беджа.

1. Ardener E. Remote areas. Some theoretical considerations // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2012. № 1 (2). Pp. 519–53.
2. Barnard H. Sire, il n'y a pas de Blemmyes. A Re-Evaluation of Historical and Archaeological Data // People of the Red Sea: Proceedings of the Red Sea Project. Part 2. 2005.
3. Herzog R. Kulturelle Kontinuität der Bedja vom Altertum bis zur Gegenwart // Ägypten – Dauer und Wandel : Symposium anlässlich des 75jährigen Bestehens des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo. Mainz am Rhein, 1985.
4. Liszka K. “We have come from the well of Ibheth”: Ethnogenesis of the Medjay // Journal of Egyptian History. 2011. № 4. Pp. 149–171.
5. Newbold D. The Beja Tribes of the Red Sea Hills // Anglo-Egyptian Sudan from Within, 1935.
6. Raue D. Handbook of Ancient Nubia, 2019.
7. Seligman G.C. Some aspects of the Hamitic Problem of the Anglo-Egyptian Sudan. // JRAS. 1927. № 57.